

*К. ЕРЕМЕЕВ,
член Военно-революционного комитета*

ОСАДА ЗИМНЕГО ДВОРЦА

В шесть часов утра в Военно-революционном комитете все на ногах. Есть запись донесений: все вокзалы заняты, мосты в порядке, электростанция под надежной охраной, занят телеграф. В городе спокойно. В полках дежурные роты наготове, в районах и на некоторых заводах дежурят отряды Красной гвардии.

А телефонная станция?

Сведений нет. Выясняют, звонят в разные места. Собираются послать отряд. Однако является «связь» и сообщает, что сейчас занята телефонная станция: юнкерский караул не хотел уходить, но испугался.

Грузовики привозили в экспедицию газеты. Надо газету добыть, но там очередь. Сейчас пошлют наверх, разнесут по учреждениям. Ладно, подождем. Пошел еще раз осмотреть Смольный, но не удалось, началась какая-то тревога, бежали вниз люди и спрашивали:

- В чем дело?
- Говорят, казаки подступают к Смольному.
- Где казаки?
- Да нет их. Так, сдуру кто-то сбрехнул.
- Нет, не сдуру. На Пальменбахской казаки.

Однако за воротами всё спокойно. Идем в сторону Невы, у монастыря спрашиваем караульных.

- Нет никого.

Для проверки идем до самой Невы — тишина и пустота. Ложная тревога, может быть, провокация.

Возвращаемся и успокаиваем коменданта, который уже привел в ружье свои боевые силы.

В Военно-революционном комитете очень оживленно.

— Что слышно? Как у нас дела?

— Ничего, там совещаются.

Быстро идет Н. И. Подвойский с какими-то бумагами в руках.

— От ЦК поручение, — говорит он. — Надо покончить со штабом, и ликвидировать юнкеров. Выделяется полевой штаб, которому и поручено это сделать. Временное правительство надо будет арестовать. Бубнов, Антонов, Чудновский, Еремеев. Сейчас будем совещаться. Надо быстро обсудить. Имейте в виду, что уже напечатано объявление о переходе власти к Петроградскому Совету.

Собираемся в какой-то укромный уголок.

— С чего начнем?

— Нужен прежде всего план Петрограда.

Посылаются товарищи на поиски, и вскоре тов. Васильевский приносит нам план.

— Пусть Подвойский осветит обстановку. Николай Ильич, у тебя все нити в руках. Говори!

Николай Ильич суммирует сведения: на нашей стороне весь гарнизон, все рабочие. Вооруженной силы достаточно. Вокзалы, телефоны, телеграф — наши. На их стороне — юнкера и школы прапорщиков, но не все. Ударники. Женский батальон. Есть артиллерия. Нейтральны: 1-й, 4-й, 14-й казачьи полки, инженерный полк, Павловское училище, Михайловское артиллерийское училище, кавалерийские полки, артиллерийская кавалерийская бригада, Инженерное училище, самокатный батальон, автомобильная школа, один автобронеотряд, Семеновский полк, измайловцы. Кажется, существенные все. Есть еще мелкие команды, да они не в счет.

— Преображенский полк тоже нейтрален, — заявляет Чудновский. — Вчера обсуждали. Сколько ни бились, полковой комитет свое: «Не будем принимать участия в выступлении. И за Временное правительство не пойдем».

— Чёрт возьми. Это очень важно: казарма полка у самого Зимнего дворца. Может быть, они снохались там с юнкерами?

— И офицерство там ненадежное, — дополняет Чудновский.

— Так оставить нельзя, надо еще попытаться.

Решено: Чудновскому взять кого-нибудь в помощь, поречистее, из военных и мчаться в полк. Попытаться склонить их к выступлению или гарантировать невмешательство. Времени дается один час.

— Помните: один час, точно. Через час вы должны быть здесь. Заметьте время, — говорит Подвойский.

— Одиннадцать без десяти, — отвечает Чудновский и исчезает.

Чудновский — сам делегат Преображенского полка, хороший оратор. Не большевик, а интернационалист, работающий дружно с большевиками.

— Давайте дальше. Известно ли точно, кто стянут к Зимнему?

— Там школа прапорщиков, ударники и женский батальон. Кажется, еще инженерная школа прапорщиков из Ораниенбаума. Ударники в штабе, остальные внутри дворца. Стоят заставы и ходят патрули юнкеров. Больше, кажется, пока ничего не предпринимают. Артиллерия из Константиновского артиллерийского училища стоит на площади. Могут, конечно, подойти и другие юнкерские школы.

— Так. Значит, они никуда не распространились. Их район — Дворцовая площадь. Надо им помешать расшириться.

— Они ждут прихода подкреплений, до тех пор не двинутся. А у нас мышь не проскочит, чтобы мы не знали... Теперь — Мариинский дворец, там в карауле рота юнкеров. Совет республики,¹ кажется, заседает. Значит, одновременно надо ликвидировать и Мариинский дворец.

---

¹ Предпарламент (Временный совет Российской республики) — совещательный орган при Временном правительстве, выделенный из состава так называемого Демократического совещания, состоявшегося в Петрограде 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 года. Проект создания Предпарламента был рассчитан на то, чтобы перевести страну с пути советской революции на путь буржуазного парламентаризма.

Предпарламент был открыт 7(20) октября 1917 года. Большевистская партия бойкотировала его. 25 октября (7 ноября) Предпарламент был сметен Великой Октябрьской социалистической революцией. (Примеч. ред.)

— Значит, связи нет между штабом и Мариинским?

— Повидимому, нет. К Мариинскому пока никаких войск не стянуто.

— А где Временное правительство?

— Это устанавливается. Вчера Керенский там разводил истерику. Сейчас неизвестно, где он. Судя по приготовлениям, все министры — или в штабе, или в Зимнем. Намерения правительства пока не определились.

— Ну, а нам теперь всё ясно. Определим наши действия. Надо оцепить весь район.

— Я предлагаю так: оцепить от Невы — от Троицкого моста, Марсова поля, затем по Мойке до Мариинского дворца и окружить его. В этом районе будут две точки для удара: Мариинский и Дворцовая площадь.

— Тогда надо и всю операцию разделить на две части. Лучше всего сначала покончить с Мариинским и затем со всех сторон наступать на площадь, здесь их зажать в кулак.

— Да, тут удобно будет дать им бой.

— Ну какой бой! Юнкера боятся солдат. Верней всего, засядут в штабе и Зимнем и придется их оттуда выковыривать.

— Надо предусмотреть и то и другое. Во всяком случае, будет правильнее сначала ликвидировать Мариинский.

— Дело. Надо записать для памяти, вроде протокола. Значит, первое: охватывается такой-то район от Невы и так далее. Затем по Мойке... докудова?

— Да всё по Мойке, до Морских казарм. Тут как раз выйдет 2-й Балтийский экипаж.

— А как Гвардейский экипаж? Ведь он будет тут как раз в тылу.

— Они объявили нейтралитет, но верней всего поддержат, раз выступят балтийцы. Да еще идут кронштадтцы. Во всяком случае, тут никакой опасности, против моряков моряки не пойдут, а за Временное правительство их и калачом не вызовешь.

— Всё-таки этот фланг надо держать под наблюдением. Нужна получше связь.

— Связь хорошая. Значит — вот район действий. Две ударные точки. Дальше. Оцепить. Остановить ли движение?

— Вопрос спорный. С одной стороны, могут собраться толпы людей, будут мешать, может быть и провокация. С другой стороны, прекратить движение трудно, надо вводить в дело большое количество войск — это может вызвать в городе всякую ложную тревогу. А для нас лучше, если сделать дело незаметнее, бесшумнее.

Решаем — прекратить движение только у Мариинского дворца на время действий, а в районе Зимнего — на участке от Дворцового моста по Мойке до Красного моста и от Адмиралтейства до Гороховой. Трамваи сквозного движения пропускать, пока не начнутся боевые действия, а тогда прекратить. Могут появиться какие-нибудь вооруженные отряды. Разоружать их или менять направление? Сматря что за отряды и куда идут. Идущих на Дворцовую площадь надо не пускать, рассеивать, а если по каким-либо другим делам, — менять им направление, возвращать обратно. Всё — по возможности — мирным путем.

— Так. Теперь вопрос: какие нужны силы?

— Здесь необходима осторожность. Есть заявления полков, которые желают выступить в первую очередь. Красная гвардия тоже желает. Моряки — тоже. Но нет смысла вводить в дело много частей.

— Сводный отряд. От всех частей...

— Нет, не годится. Если сводный отряд пустить, так перемешаются. Может выйти разноголосица какая-нибудь. Да это и сложно, времени нет. Мы думали: Преображенский, Павловский полки, Петроградский и Выборгский районы, — с одной стороны, моряки, финляндцы, кексгольмцы, Васильевский и Нарвский районы, — с другой стороны. Еще можно 180-й полк, с той стороны вокзала, надо больше сил.

— Выставить можно много полков, но не стоит перегружать. Лишние только помешают.

— Все хотят участвовать. Надо это так и устроить. Вот придет Чудновский, тогда решим.

— А пока — вопрос тактики. Надо обсудить: идти ли прямо на бой или зажимать, чтобы сдались. Вопрос важный — может быть кровопролитие.

— Вопрос тактики сейчас не решать, — всё будет зависеть от фактического положения дел. Порученное дело надо выполнить так или иначе, хотя бы с боем. Обойдется без боя — хорошо, нет — тем хуже для них.

— Ясно.

— А вот вопрос тыла темен. Чёрт их знает, этих нейтральных! Не ударили бы в спину. Правительственные агитаторы шныряют по частям, уговаривают.

— Сообщили, что стягивают офицеров в «Асторию».

— Пусть стянут: это лучше, будут в одной куче. По ка не видно, чтоб там организовались или вооружались. А с револьверами они силы не представляют...

— «Асторию»-то нужно тоже ликвидировать.

Явился Чудновский, несколько взъявленный и огорченный неудачей своей поездки.

— Не опоздал: пять минут раньше срока, — говорил он, показывая на часы. — Упарился я там. Никакого толку. Одно обещали — нейтралитет. Я просил, чтобы они совсем на улицу не выходили и закрыли бы ворота и подъезд. Обещали.

— А можно на их обещание положиться? Они нам не того... не преподнесут сюрприза?

— Мое впечатление такое, что можно. Они не за правительство, но и не за большевиков. Какой им расчет выступать против нас? Они знают, что за нами ряд полков, флотские и рабочие.

— Делать нечего. Придется просто их не упускать из виду. Кто тут будет командовать, тому смотреть и смотреть в оба.

— Я свою связь оставил, будут извещать немедленно, чути что изменится у них или что заметят подозрительное. Это обеспечено.

— Будем держать их на мушке. Давайте кончать.

Чудновскому было рассказано о плане наступления.

— Есть возражения? Дополнения? — спрашивает Николай Ильич. — Ну, отвечайте быстро.

— В общем нет. А в частности... Во-первых, мал район охвата, надо увеличить до Фонтанки, до цирка, по Невскому — до Садовой или, по крайней мере, до Казанского. Вернее, надо сделать так: это — район охвата, а это — район тыла. Тыл должен быть надежно обеспечен. Третий район — район Смольного. Они должны иметь контакт.

— Громоздко.

— Смольный оставьте в стороне. У него свое дело — съезд сейчас должен открыться, и здесь будут приняты меры. А второй район было бы не худо, спокойнее. Но

только времени нет. Давайте остановимся на том, что обсудили.

Я всё же обращаю внимание на то, что надо обеспечить тыл операции. Мое мнение — лучше выделить район. Потратим еще полчаса.

Но на это не соглашались. Пусть, кто будет наступать, позаботится и о своем тыле. Какие меры можно принять для обеспечения тыла?

— Резервы всегда можно вызвать.

— Резервы само собой. Но необходимо во всех удобных местах устроить баррикады и к ним поставить охрану. Наступающие будут уверены, что сзади не нападут.

На это согласились. Наметили по плану примерно места баррикад. Теперь последнее: кто пойдет? Два участка фронта, — на каждый послать двоих. А один остается здесь для контакта.

— Нет, лишний расход людей. Довольно по одному. Вот Чудновский и Еремеев. Остальные останутся для контакта связи и руководства. Петропавловка обеспечена: туда послан поручик Благонравов.

— Тогда я прошу дать мне участок с Преображенским полком, а Еремеев — пусть с матросами.

— Да мы еще не решили, какие войска будут участвовать.

— Преображенский выпал. Остается Павловский и сюда Красную гвардию. А там — флот, Финляндский и Кексгольмский полки, которые хотели в резерв, василеостровцы и птиловцы, 180-й в резерве.

— Чудновского не годится на этот участок, неудобно, раз его полк не участвует. Наоборот, надо Еремеева сюда, Чудновского туда. Оба пусть держат контакт.

— А я думал, что так лучше. Пожалуй... если осложнение, то неловко выйдет: делегат полка против своего полка.

— Итак, кончено?

— Кончено.

Мы остались с Чудновским.

— Дайте напишу записку к товарищу, чтобы пришел к вам, пошлите с кем-нибудь. Где будет ваш штаб?

— Думаю, в Павловском полку.

— Я вас найду посовещаться. Нам дадут мандаты. Но Н. И. Подвойский уже прибежал к нам:

— Возьмите мандаты. Да возьмите несколько бланочков с печатью комитета, может, понадобится. Возьмите по автомобилю в свое распоряжение. Понадобится — вызывайте мотоциклистов. Сообщайте немедленно, когда всё будет готово к наступлению. Мы отсюда дадим вам знать. Я и сам к вам приеду. Держите связь.

С этим напутствием, мандатами, написанными от руки химическим карандашом, и несколькими пустыми бланочками мы уехали: Чудновский — во флотский экипаж, а я — в Павловский полк.

В городе ничто не напоминало войны. По улицам шли люди, как всегда, по своим делам, трусили извозчики, бегали автомобили и мотоциклетки.

Я проехал к Троицкому мосту. Там стоял караул Павловского полка, охранявший мост. В это время прошел батальон юнкеров с офицером впереди, направляясь по набережной к Зимнему дворцу. Офицер что-то спросил у караульных на мосту и догнал свой отряд.

Подъехав к подъезду полка с Миллионной улицы, я подписал путевку шоферу и отпустил его, полагая, что в Смольном он будет нужнее, чем мне.

Часовые пропустили меня по мандату. В канцелярии я спросил комиссара полка. Комиссаром там был товарищ Дзенис, которого Н. И. Подвойский рекомендовал мне как хорошего комиссара, сумевшего наладить отношения в полку. Он оказался молодым человеком с приятным бледноватым лицом.

Когда я показал ему мандат, он сразу понял в чем дело и оживился.

— Хорошо, что вы приехали. У нас в полку спрашивают, чего молчит Смольный? Дворцовая площадь занята юнкерами с артиллерией. Что-то готовится.

— Ничего. Теперь не июльские дни. Какие у вас отношения с преображенцами?

— Как будто ничего, но они, кажется, не хотят выступать.

Объяснив тов. Дзенису вкратце в чем дело, я попросил послать надежного человека с запиской в Преображенские казармы и, если найдет адресата, привести его сюда. Затем я попросил созвать полковой комитет, с которым необходимо было столковаться о выполнении задания. Комитет собрался очень быстро.

Познакомившись с председателем комитета, я сказал

ему, что имею сделать заявление от Военно-революционного комитета. Заседание открылось без излишних формальностей.

Я очень кратко очертил положение, указал, что сейчас, вероятно, уже открылся съезд, который установит новую власть Советов, а Временное правительство нужно ликвидировать, для чего занять его опорные пункты: Мариинский дворец, штаб округа и Зимний дворец. Поскольку оно отдало приказ арестовать Военно-революционный комитет, то и с ним мы поступим так же, а там пусть их разберет наша новая власть. Конечно, оно может сделать попытку сопротивляться, у них собраны юнкера...

— И бабы... бочкаревский батальон, да пушки.

— Ну вот, видите, какая у них сила. Вот против этой силы и для выполнения задачи Военно-революционный комитет назначил меня во главе полка и Красной гвардии.

— Товарищи, тут я думаю толковать не об чем, — сказал председатель. — Нам даден приказ — мы его исполним без разговору. Кто хочет что сказать? А то голосовать буду.

— Дозволь мне слово, я хочу сказать, товарищ председатель, — сказал один унтер-офицер, немолодой, черноусый.

— Говори ближе к делу.

Он стал горячо говорить об обмане народа Временным правительством, о том, что народ ожидает облегчения, перво-наперво мира, крестьянству тяжело, а тут еще хотят пожилых гнать на фронт, а воевать нам не за что, пусть буржуи воюют...

— Ладно, — сказал председатель, прерывая его в паузе. — Еще кто?

Поднялись две-три руки.

— Не довольно ли? Надо дело делать.

— Нет, дай и мне слово, — сказал еще один.

— Еще одному дам, а больше — довольно. Вопрос ясен.

Другой сказал почти то же, только другими словами, и закончил:

— Надо избавиться от этого правительства.

Однако после него еще несколько ораторов пожелало говорить, и я подумал: как бы не затянулось?

Но председатель был умелый и сказал, что речи кончены.

— Вот только товарищу из комитета последнее слово.

Я сказал, что теперь будем исполнять приказ. Для этого нужно нарядить роты: четыре — в оцепление и заставы, две — в резерв с флангов, роту — для охранения тыла. Когда подойдут рабочие, то часть их вольем в середину оцепления.

— Я хочу сказать слово, — заявил еще один.

— О чем говорить? Бросим разговоры.

— Да я по делу. Об этом оцеплении.

— Говори короче.

— Товарищи, я так думаю, что Павловский полк — сила. И хватит его, чтоб расколотить всех юнкеров и с бабьим батальоном вместе. Так что лишне дают нам в подмогу рабочих. Может, что нам не доверяют, как простым солдатам.

Признаться, я не ожидал такого осложнения. Пришлось взять слово для объяснения и сказать, что из всего гарнизона намечены только Павловский и Кексгольмский полки, остальные — в резерве, значит, где недоверие? Конечно, все революционные полки хотели бы быть в первых рядах, но выбраны те, которые ближе к месту действия. Затем — участвуют моряки. Надо, чтобы были и рабочие. Присоединить их к морякам неудобно, так как они к нам ближе с Петроградской и Выборгской сторон. Красная гвардия других районов тоже в резерве. В революционном деле не может быть обид: дело общее — рабочих, солдат, моряков, крестьян.

Послышались голоса:

— Брось. Чего выдумал. Без рабочих нельзя.

Председатель сразу покончил с этим:

— Это не к делу. Кончен вопрос. Пусть товарищ приказывает, что нам делать.

— Дайте мне комнату, ближе к входу. Попрошу комитет выделить человек пять товарищей плюс председатель комитета и комиссар; это будет у нас полевой штаб. Через него мы и будем действовать.

Наметили несколько человек. Под полевой штаб отвели классную комнату. Сказали, что сейчас пришлют писаря, машинку и бумаги.

— Объявляю собрание комитета закрытым. Штаб остается, остальные товарищи — все по ротам. Какие

роты в наряд — пришлем сейчас из штаба, — заявил председатель.

Диспозиция наша была такова: рота была выслана к Полицейскому мосту, ей указано было выставить охранение к мосту и занять дворы по обе стороны Невского. Рота должна была укрыться по набережной вблизи моста и затем по приказу перейти мост и произвести оцепление от Невского в сторону штаба округа, наблюдая за своим левым флангом, которому войти в связь с теми, кто будет наступать от Исаакиевской площади. Когда они подойдут — идти через арку на Морской, согласно приказу об общем движении, и присоединиться к штурмующим. Две роты обходом идут и скрываются во дворе Певческой капеллы, роту — на Конюшенную площадь для удара по тому направлению, которое будет признано необходимым, — вероятней, по Миллионной и через переулки по набережной, и роту — для охранения со стороны Марсова поля с выдвижением застав к мостам Троицкому, Певческому, Инженерному и через Фонтанку на набережной, с высылкой патрулей в направлении тыла. Две команды были выделены для заготовки материала для баррикад на набережной у Мраморного дворца и у Полицейского моста; материал предполагался строительный, заготовленный на местах для ремонта, и разный со дворов. Две роты Красной гвардии я предполагал направить по их приходе по Певческому мосту для усиления нападающих на штаб округа и затем по Эрмитажному переулку для охвата Зимнего со стороны Невы. Кроме того, из оставшихся были наряжены безоружные разведчики — пешие и оказались еще велосипедисты — для глубокой разведки в тыл, а также и в районы неприятеля, пока будет возможность. Под секретное наблюдение был взят и Преображенский полк, куда были посланы разведчики.

Роты и баррикадные команды были уже готовы; нам доложили, что офицеров нет, и просили назначить командиров.

— Об офицерах-то мы и забыли. Всё без них делаем и без командира полка.

— А на кой они нам! Должны быть на местах, в своих ротах, а раз их нету, и чёрт с ними! — раздались голоса.

У нас вышло маленькое разногласие — привлекать офицеров или нет.

— Где же офицеры?

— Офицеры должны быть все в полку. Вот приказ по полку, и там сказано.

— Они все в Офицерском Собрании.

— Товарищи, их надо или поставить в строй, или изолировать, чтобы не могли мешать.

Комиссар полка и некоторые товарищи находили, что офицеры не пойдут против солдат и наверно станут в строй.

— Пойдемте в Офицерское Собрание.

Я с комиссаром и председателем полкового комитета вышли на улицу и прошли в подъезд с Марсова поля. Поднялись по лестнице мимо полковой церкви и большого зала, убранного для заседаний, и поднялись в офицерский клуб. Там, действительно, было много офицеров, которые, видимо, проводили время по-клубному. В столовой накрывали завтрак. Дежурный по клубу офицер подошел, и ему сказали, что член Военно-революционного комитета желает видеть командира полка.

Из внутренних комнат вышел средних лет офицер, сухощавый брюнет, среднего роста, изящный и корректный.

— Имею честь: командир полка.

Я объяснил ему, что желаю переговорить со всеми офицерами, и он приказал дежурному:

— Пригласите всех офицеров сюда.

Две-три минуты, пока офицеры наполняли столовую, мы с командиром вели нейтральный разговор о погоде, о смутных временах, о том, что полк всё же поддерживает порядок и ученье, и долю в этом имеет и комиссар полка, который помогает. Он предложил мне папироску, но я раскурил трубку, и мы поговорили о табаке.

Видя, что офицеры собрались и притихли, он спросил меня:

— Как прикажете объявить о вас и о вашей цели.

— Скажите: член Военно-революционного комитета — о выступлении против Временного правительства.

Я вынул и показал ему мой мандат.

Командир полка, видимо, был смущен и не решился повторить точно, хотя близстоящие и слышали мои слова. Он сказал:

— Господа офицеры. Прибывший член Военно-революционного комитета имеет говорить о Временном пра-

вительстве. Он уполномочен по мандату от Военно-революционного комитета.

Офицеры, видимо, с живым любопытством, подвинулись поближе, рассматривая меня во все глаза, как невиданное чудо. У некоторых были, как мне показалось, иронические улыбки.

Я очень коротко, но, выбирая определенные, категорические выражения, объяснил положение вещей. Не зная еще, что делается на съезде, я всё-таки сказал, что вот заседает Всероссийский съезд Советов, который решил сменить правительство, чтобы разрешить коренные вопросы жизни страны, прежде всего о войне. Поскольку Временное правительство во главе с Керенским не желает подчиниться Совету и, видимо, пытается бороться за власть силой, Военно-революционный комитет приказал предъявить ему ультиматум о сдаче и в случае отказа обезоружить и распустить его оборону, а само правительство арестовать. Павловскому полку поручено принять в этом участие, и полк готов к выступлению, однако офицеры не на местах. Офицеры должны ясно сказать, с кем они.

Тогда командир полка сказал:

— Разрешите мне сказать от имени всех офицеров полка. Мы уже обсудили вопрос о возможном выступлении и решили быть всем в строю. Мы не хотим отделяться от солдат. Очень жаль, что нам не сказали раньше, — мы узнали, что идут приготовления, и думали, что нас хотят отстранить. Если это отпадет, мы все очень рады. Разрешите офицерам разойтись по ротам.

Ему был передан наш наряд ротам. Он выразил неудовольствие:

— Жаль, что мне не сказали и нет моей подписи. Солдаты могут подумать, что я отстранен.

Я успокоил его: времени слишком мало, в дальнейшем он будет принимать участие. Он объявил наряд офицерам, и командиры ушли, вежливо откланявшись. Я попросил его оказывать содействие во всем, он, в свою очередь, предложил мне столovаться у них в Собрании, причем похвалил повара. Но мне так и не пришлось оценить офицерского повара Павловского полка. Командир обещал всё время находиться или у себя в кабинете, или в Офицерском Собрании, и мы вежливо расстались. Больше я его уже не видел. Всё наше свидание длилось

не более двадцати минут. Не знаю, принимал ли он в дальнейшем какое-либо участие. Кажется, тов. Дзенис и полковой комитет обходились без него.

— Всё готово, можно выводить роты. Но надо, чтобы вы пошли, сказали им несколько слов, тем более что офицеры на местах, — сказал тов. Дзенис.

— Я было думал только командирам объяснить задание. При них должны быть члены полкового комитета.

— Есть, уже наряжены. А всё-таки вам надо пойти сказать напутствие. Так будет лучше.

Мы пошли в роты, которые приготовились к выступлению. Собрать их все вместе нельзя было, приходилось говорить с каждой отдельно.

Мы прошли по шести ротам. При нашем входе командировали «смирно», командир роты подходил и рапортовал: такая-то рота в строю. Я кратко говорил, в чем состоит задача, и заканчивал поздравлением, что это — последнее усилие и затем уж будет власть Советов. Командиров просил идти за мной и в последней роте, в ротной канцелярии, объяснил каждому его тактическую задачу, как держать связь с нашим полевым штабом. Все объяснения кончены. Приказываю выступать. Рота за ротой выходит из казармы на двор и оттуда колоннами на улицу — идут по назначению. От казарм до Троицкого моста сейчас же выставляется оцепление. Команда, охранявшая мост, снимается. Это было, вероятно, около часу дня.

Решаю прекратить движение по Миллионной и набережной Невы от моста. Даём из штаба соответствующее распоряжение: автомобили задерживать, пассажиров направлять в полевой штаб для выяснения; в случае прохождения вооруженных отрядов вызывать немедленно со двора дежурную роту, останавливать отряд, а начальников направлять в полевой штаб. Даём также приказ выставить секреты и двинуть густые патрули с целью захвата юнкерских патрулей, которые обезоруживать и доставлять во двор полка, где их сажать под арест. Разведчики высланы.

Красной гвардии всё еще нет, а мне хотелось бы, чтобы она поскорей пришла. Мне казалось, что я буду прочнее себя чувствовать с рабочим отрядом как в отношении сомнительного Преображенского полка, так и в отношении тыла. «Тыл», то есть так называемые «ней-

тальные» части, для меня не совсем ясен. Я попросил одного товарища — фельдфебеля полка — привести в известность, какие части расположены в районе по эту сторону Невского, и он наводил справки в полковой канцелярии вместе с адъютантом полка. Через некоторое время был принесен насконо набросанный карандашом список: Инженерное училище, комендатура города, три конных дивизиона, конная артиллерийская бригада, экипажная рота, артиллерийская школа, 3-й или 4-й саперный батальон, электротехнический батальон, самокатная рота, автомобильный батальон, часть ударного батальона георгиевских кавалеров, часть женского батальона в Аракчеевских казармах, прибывшая сегодня из Левашева, кавалергардский полк и три казачьих полка — 1-й, 4-й и 14-й Донские. Много нестроевшины — не так страшно, но все же могут наделать тревоги. Придется усилить охрану тыла — наряжаем еще одну роту.

Оцепление наше быстро подействовало. Остановлено несколько автомобилей, приводят их пассажиров, некоторых пешеходов, курьеров учреждений, идущих с пакетами. Просматриваю пакеты: в штаб округа или Зимний — нет. Отпускаем. Пассажиры автомобилей не так покорно-безропотны, повышают голос:

— Почему мы задержаны? Что тут происходит? На каком основании?

Отвечаю:

— Дело военное, — вас не касается. Будьте любезны предъявить ваши документы.

Несколько купчиков, адвокат с дамой, какие-то иностранные коммерсанты.

— Можете идти. Автомобили пока будут задержаны.

— Как так! Это незаконно! Мы будем жаловаться...

Какой-то в штатском оказался полковником — инженерный или артиллерийский.

— Вам придется проехать в Смольный. Дадим провожатого.

Входит прилично одетый, с портфелем. Конвоир-солдат говорит:

— Товарищ начальник, вот министр.

— Что у вас тут делается? Это безобразие! Меня задержали, я министр Прокопович, еду на заседание правительства.

— Вам придется проехать в Смольный.

Министр Прокопович был взволнован и раздражен:

— Что это такое? Насилие над членом правительства! Это неслыханно, чудовищно! Объясните же, что делается. Кто вы?

Я назвал себя.

— Кто вам дал право задерживать члена правительства? Это самоуправство. Вы тяжело ответите. Я требую, чтобы меня отпустили... Мне спешно нужно на заседание правительства.

— Вы там не будете. Вам придется проехать в Смольный.

— Это невероятно! Вы понесете ответственность... Да понимаете ли вы, что вы делаете?

— Совершенно: это революция. Ваше правительство не существует. Все разговоры бесполезны, — вы поедете в Смольный.

Он вышел с протестами и возгласами.

Вскоре вошел и другой министр:

— Я министр исповеданий Карташов.

Благообразный господин, он был вежлив и не настойчив. Видно было, что он порядком струхнул и без особых разговоров покорился. Привели еще управляющего делами Временного правительства, кажется, Гальперина, еще с кем-то. Он просил, чтоб его отпустили хоть пешком, у него важные дела. Его тоже отправили с конвойным. Мне помнится, что мы были очень вежливы и корректны.

В автомобилях у нас не было недостатка.

Десятка два машин стояли рядами у подъезда под охраной часовых. Некоторые шофёры, правда, протестовали, но мы им предлагали уходить, оставив машину. Другие же, наоборот, поговорив с солдатами, оставались охотно и выполняли поручения с удовольствием. Одного нахального шофёра из военного министерства пришлось дежурному офицеру посадить под арест, где он и пробыл часа три, пока не был отпущен.

В дальнейшем задержанных прибывало всё больше и больше. Пришлось выделить несколько членов полкового комитета разбираться в документах под руководством тов. Дзениса.

В третьем часу дня доложили, что подошел отряд Красной гвардии. Я велел поскорее пропустить его во двор, чтобы избавить от любопытства публики (хотя ее

часовые и отгоняли), собирающейся время от времени на углу Марсова поля.

Это был отряд Петроградского района под командой немолодого рабочего (он был, кажется, мастером какого-то завода, имени не помню). Отряд человек в четыреста был хорошо одет; с винтовками на новых ремнях и новыми подсумками он имел вполне военный вид. Я сказал отряду, что теперь речам нет места: он пришел в помощь другим силам — солдатам и морякам, чтобы покончить с Временным правительством, которое пытается оказать сопротивление. Возможно, что придется применить силу. Солдаты-павловцы уже на позиции. Начальник отряда сказал:

— Отвечаю за весь отряд: мы готовы. Дозвольте несколько отдохнуть и напиться воды и ведите нас на позиции.

Я попросил полевой штаб отвести какое-нибудь помещение рабочим, пока они оправятся и напьются. Их привели в помещение маршевых рот, которое пустовало. Сейчас же к ним пришли солдаты, стали угождать их чаем и беседовать.

С приходом рабочих опять возник вопрос об их участии. Некоторые члены полкового комитета приходили ко мне и предлагали:

— Прикажите наступать: мы возьмем штаб и дворец штурмом. Выведем еще роты, весь полк. Мы и без рабочих управимся. Они люди невоенные, могут помешать делу. Пусть будут в резерве.

Пришлось взять категорический тон и заявить, что они тоже военные, из бывших солдат, и будут исполнять то, что им будет поручено. Эти разговоры излишни, ибо вопрос этот мы уже решили в полковом комитете и, кроме того, так приказано Военно-революционным комитетом. О подобных разговорах мне потом сказал и начальник рабочего отряда, которого я успокоил, убедив, что и они и ожидаемые мной выборжцы будут участвовать в операциях. Дело скоро начнется, как только мы войдем в контакт с наступающими моряками, которые пока заняты захватом Мариинского дворца.

Затем прибыл отряд Красной гвардии Выборгского района, начальник которого беспокоился, что они пришли без пулеметов, так как не было указания. Я ответил, что в пулеметах нет нужды, пулеметов в полку

достаточно, но применения для них не предвидится, разве только на Марсовом поле в случае нападения с тыла. Но для этого имеется полковая команда, она наготове. Этот отряд также занял помещение маршевых рот.

Улучив минутку, я написал коротенькое донесение Подвойскому в Военно-революционный комитет о том, что у меня всё готово и обстоит так-то.

К этому времени обстановка изменилась. Во-первых, наши патрули и секреты поарестовали все юнкерские патрули, так что их охранение стояло только у самой Дворцовой площади. Затем от Зимнего ушла бывшая там юнкерская артиллерийская батарея, которая была пропущена в свое расположение. После ее ухода юнкерское охранение втянулось в штаб и в Зимний, патрули прекратились и площадь опустела, в чем я лично убедился. Таким образом, стало очевидным, что неприятель не полагает (вернее, не может) развивать активные операции и вынужден к пассивной обороне, к отсиживанию за стенами. В нашем полевом штабе, наоборот, было активное настроение и нет-нет кто-нибудь предлагал:

— Давайте ударим на них. Чего ждать!

Но у меня еще не было контакта с Чудновским, который должен был заехать ко мне. Он приехал, должно быть, после трех часов, прямо из Смольного, оживленный, веселый.

— С Мариинским кончено. Всё как по-писаному: окружили, поставили броневики, вошли туда и предложили разойтись. Юнкеров разоружили. «Асторию» пока не заняли, но поставили надежный караул и броневик, чтобы никто не выходил до распоряжения... Что там было — в Мариинском!.. Растерянность, паника, представить себе не можете, ушли как в воду опущенные. Протесты? Жалкий лепет: «Покоряемся грубой силе»... Баррикадами мы окружились по всем переулкам. Автомобили все поарестовали, кроме своих, конечно. Совет республики просил дать им хотя бы в автомобилях разъехаться, напоследях так сказать. А матросы им кричали: «Не велики господа, пешком дойдете. Полезно к аппетиту!». Как нравится: «полезно к аппетиту!»? Ну, как у вас?

Я рассказал ему, как у нас обстоит дело.

— Э, вы мало баррикад делаете! Надо больше.

— Да мне негде и делать — река, канал, площадь.

— А вы их подальше в тыл вынесите. Могут приходиться. Ходят разные слухи, что могут ударить в тыл ударники или инженерные войска. Послушайтесь моего совета — делайте побольше баррикад.

Я послушался и послал устроить заграждения в Шведском переулке, у церкви Воскресенья и у Прачечного моста, на Фонтанке у Летнего сада; эти пункты мы выбрали вместе. Но проверить исполнение у меня не было времени. Я лично не видел в них особой нужды.

— Теперь вот что. Во-первых, я еду в Зимний парламентером и предъявлю ультиматум. Во-вторых, мне поручено по результатам переговоров контактировать всё наступление. Так что я потом к вам опять заеду через час и тогда уговоримся. В-третьих, к вам идет по Мойке Кексгольмский полк, пусть будет на Мойке в резерве, командир к вам явится. В-четвертых, когда вернусь, будем наступать. Ну, что еще?.. Пожмите мне руку. Еду... Потом в Смольный. Потом к вам.

Я дал ему мое донесение и просил передать, когда будет в Смольном.

Вскоре по его отъезде приехал Н. И. Подвойский. Узнав, что был Чудновский и из Зимнего отправится в Смольный, он предложил проехаться по нашему фронту до Невского, откуда он направится в Смольный. В это время мне доложили, что привезли пушки, явился офицер и отрапортовал, что в мое распоряжение прибыла полевая полубатарея. Я его направил на Невский к Полицейскому мосту и сказал, что там встречу. После него явилась «связь» от роты, находящейся у Полицейского моста, с запиской от командира — просит явиться на левый фланг, куда прибыла еще одна часть. Посланец сказал об этом и на словах, с тревогой — может быть, это чужая часть? не вышло бы чего?

Мы поехали с Н. И. Подвойским к Невскому. В полевом штабе я просил тов. Дзениса сделать распоряжения, какие понадобятся, а в случае чего прислать за мной автомобиль. У моста я вышел, а Н. И. уехал. Ко мне подошел командир нашей роты с другим — высоким, стройным офицером — и доложил, что прибыл батальон Кексгольмского полка. Офицер заявил, что он прислан для охранения линии Мойки до стыка с нашими частями, причем указания должен получать от меня. Я распорядился нашей полуроте отойти через Невский, соединясь

с другой полуротой, а Кексгольмскому полку стать вплоть до моста, выставить заставу, а роты убрать во дворы. Кстати, поручил им заготовить на набережной материал для баррикады, на что офицер сказал, что и тов. Чудновский приказывал ему это. Старшим на участке я назначил командира Павловской роты, через которого кексгольмцы будут получать приказания. Тут подъехали наши орудия. Я приказал поставить их на самом мосту: одно — дулом к Садовой, другое — дулом к Александровскому саду. На вопрос командира полубатареи, какое ему будет задание, — причем он указал на то, что артиллерию тут действовать затруднительно, близко дома, — я объяснил, что действовать ему придется в самом крайнем случае, если будет нападение больших масс с той или другой стороны. Тогда ему надлежит бить в упор по приказу моему или начальника участка. Если есть холостые, то сначала дать холостые, предупредительные выстрелы. Холостых снарядов оказалось две очереди. Начальнику участка, присутствовавшему тут же, я приказал прекратить движение по Невскому в сторону Зимнего, пропуская лишь трамваи в обе стороны, поскольку еще не закрыт Дворцовый мост, выслать патрули до Казанского собора, и безоружных разведчиков высыпать до Садовой. На случай быстрого сообщения, дал ему автомобиль, написав в полевой штаб записку, с которой направился фельдфебель, член полкового комитета, большевик, ему было поручено состоять при командире.

Только что я сделал эти распоряжения, как за мной **пришел автомобиль**, — нужно как можно скорее явиться в штаб: задержаны какие-то казаки.

Оказалось — один офицер и один нижний чин верхами ехали на Дворцовую площадь. Спешившись, офицер подошел ко мне и заявил, что они делегаты от полка донских казаков (не помню 4-го или 14-го). Едут по полномочию собрания полка и с удостоверением от совета казачьих войск в Зимний дворец, чтобы снять оттуда их казачью сотню — таково решение полка. Он просил пропустить их туда, а затем пропустить сотню оттуда, не обезоруживая казаков, ибо они не за Временное правительство и сотня, вызванная туда, осталась там по недоразумению. Я разрешил, и они уехали. Дав инструкцию о пропуске казаков обратно, я на всякий случай сказал

командиру роты, бывшей на дворе, не прозевать их проезда и быть настороже.

Действительно, через некоторое время казаки показались по Миллионной, мне сообщили об этом. Офицер наш понял «быть настороже» таким образом, что скомандовав роте в ружье, вывел всю ее за ворота перед казармой. Это, в соединении с находившейся тут заставой и значительным количеством свободных пока солдат, представляло, несомненно, внушительную картину, о которой казаки могли рассказать у себя в полку. Вероятно, они заметили и пару пулеметов, дежуривших на углу площади. Они проехали шагом, уныло и угрюмо смотря перед собой.

В связи с указаниями тов. Подвойского и полагая, что наступление моряков уже началось, я вывел и Красную гвардию, направив один отряд поменьше к Капелле, другой — к Конюшенной площади. Затем послал приказ прекратить всякое движение посторонних и медленно продвигаться вперед к центру — на охват штаба округа, с правого фланга — на охват Зимнего. Был, вероятно, пятый час дня, может быть, около пяти.

Разведчики сообщили, что от Морской, Исаакиевской площади и по берегу Невы от Сенатской площади на-двигаются большие отряды матросов с броневиками. Движение трамвая с той стороны Невы прекратилось. С левого фланга меня запросили, что делать с трамваями, которые в числе нескольких вагонов скопились перед Полицейским мостом и вызывают скопление толпы. Приехав туда, я увидел довольно большую толпу вышедших из вагонов пассажиров (и собравшихся любопытных зевак), которая выражала неудовольствие на задержку и невозможность попасть на ту сторону Невы. Сначала я было подумал оттеснить толпу к Казанской площади, а вагоны оставить на случай заграждения Невского, но увидел, что это будет нецелесообразно, так как толпа будет еще больше привлечена видом вагонов. Тогда я пошел сам и поручил фельдфебелю обойти вагоновожатых и кондукторов, и мы объяснили им, что сегодня движение трамваев по Невскому в этой части не будет допущено. Вагоновожатые перевели включение на задние моторы, кондуктора прокричали: «Садитесь, сейчас поедем окружным путем», — сигналы прозвонили, и напол-

няемые вагоны двинулись обратно. Больше сюда трамваи уже не ходили.

С уходом трамваев толпа уменьшилась, однако зевак было еще довольно много. Пришлось выставить роту поперек всего Невского и оттеснить толпу до Казанской площади. В предупреждение новых больших скоплений мы выставили взвод на углу Конюшенной, который протянул поперек Невского редкую цепь. Солдаты цепи должны были предупреждать публику, что вниз по Невскому нет прохода, и пропускали только живущих в домах этого района. То же делали и патрули павловцев и кексгольмцев, которые по очереди ходили до Казанской площади.

Разведчики без оружия, которые ходили вплоть до Садовой, сообщали, что на Казанской площади и около Михайловской улицы народу немного, но что громадные толпы собираются на углу Садовой и Невского и дальше по Невскому. Особенно толпятся у редакции газеты «Вечернее Время», которая вывешивает плакаты с новостями. Никаких вооруженных нигде не замечено. В разговорах публики толкуют о съезде, о распуске Государственного совета, но не слышно ничего о вооруженных выступлениях. Повидимому, публика совсем не представляла себе, что делается за завесой оцепления. И газеты не знали.

Смеркалось. На Невском горели огни.

Проехав отсюда через мост и по набережной Мойки, я увидел павловцев, красногвардейцев и моряков, оцепивших штаб и сгрудившихся вблизи подъезда на Гвардейской площади, прикрываясь за стеной штаба от Зимнего дворца, откуда могли стрелять. Но стрельбы не было.

Выйдя из автомобиля, я подошел и спросил, в чем дело и почему нет строя. Кто-то из толпы грубо меня обляпал:

— А тебе что за дело? Ты чего суешься!

Но наши меня узнали и сказали:

— Это наш начальник, из военного комитета.

Тогда мне рассказали, что в штаб приезжали уполномоченные для переговоров, которые вошли туда. Потом оттуда вышло все правительство и начальство и много офицеров и штатских и пошли в Зимний для переговоров с министрами. Но оттуда не возвращаются.

— Мы хотим занять штаб.

Я попытался ввести строй. Построилась часть павловцев и рабочие. Никто не знал, какие там силы остались, и эта неизвестность останавливалась, да еще и то, что из Зимнего дворца удобно было бить сюда. Я послал часть павловцев и рабочих к воротам, попытаться туда войти. Они были заперты. Начали стучать. Откуда-то появилась балка, — стали ею таранить. Какие-то нестроевые открыли со двора ворота, и наши бросились туда. Никакой силы там не было. В это время закричали на площади, и матросы, солдаты гуртом бросились в угловой подъезд штаба. Оказалось, что дюжий павловец и несколько матросов с гранатами в руках подошли к двери, полагая, что она закрыта. Но дверь распахнулась, и в вестибюле никого не было. Тогда вошли внутрь — из караулки вышло несколько юнкеров и сказали, что сдаются, что всё начальство и охрана перешли во дворец. Вслед за первыми хлынула туда и вся наша братия. Я вошел туда, поднялся по лестнице до первого этажа. Сверху кричали: «Никого нет, ушли!». Я спросил павловского унтер-офицера, почему нет их офицера. Он ответил, что сюда подошли и скопились патрули и заставы, потом подбежали матросы, тоже передовые. Я послал его в Капеллу, чтобы оттуда шел командир со всеми силами и занял штаб, укрыв резервы на дворе, постал ему записку.

На площади было пустынно. У Адмиралтейства, около сада Зимнего дворца, видны были цепи. Я сел в автомобиль и поехал через площадь и Миллионную улицу в наш штаб. По пути меня несколько раз задерживали павловцы и рабочие, но узнавали. Подошедшему командиру я сказал:

- Подходите вплотную. Идут матросы. Штаб занят.
- Штаб занят? Значит, оттуда нет опасности?
- Никакой. Теперь только Зимний.
- А в Зимнем можно двери ломать?
- Ломайте, если закрыты. Попробуйте входить с набережной. Да войдите в контакт с матросами, а то как бы не постреляли друг друга. С набережной есть какой-то дворик, нельзя ли оттуда проникнуть.

В это время послышались выстрелы. От дворца прибежали патрульные сообщить командиру, что стреляют из ворот Зимнего. В ответ послышалась трескотня от Александровского сада.

— Пошлите узнать по набережной. Если матросы штурмуют, то вламывайтесь и вы. Наша центральная колонна во дворе штаба.

Перестрелка скоро утихла. Это только была проба винтовок... нервов...

Несколько солдат подошли ко мне и сказали, что когда наши проходят по Эрмитажной канавке на набережную, преображенцы, казарма которых как раз находится рядом с Эрмитажем, делают им замечания, чтобы не ходили мимо их казармы, и говорят: «Обходите кругом». Кроме того, они позволяют себе насмешки над красногвардейцами, которые тут проходят. И вообще выражаются: «С кем воюете? С бабами? Порт-Артур берете?» — и т. п.

Я тоже заметил у ворот Преображенского полка группу вооруженных солдат, и в приоткрытые ворота виднелось еще их много. Толпились и в парадном подъезде. Отослав автомобиль в полк с запиской, что я зайду к преображенцам и скоро приду, я вошел в подъезд и поднялся по лестнице. Ни часовые у дверей и никто другой меня не опросил. Увидя комнату полкового комитета, я вошел туда. Она была переполнена, стоял густой табачный дым, все разговаривали друг с другом, с трудом я разыскал председателя комитета, сказал ему, кто я. Он кликнул еще двух-трех товарищей, и им я заявил именем Военно-революционного комитета требование убрать с улицы всех вооруженных солдат, закрыть ворота и никого не выпускать, также закрыть и парадный подъезд и лишь выпускать своих.

— Нейтралитет — дело ваше, — сказал я. — Но мешать Военно-революционному комитету вы не имеете права. Там есть и ваши представители, вы их не отозвали. Вы должны исполнить то, что заявляли. Иначе могут выйти осложнения. Тут в переулке у Архива мои пулеметы и вблизи два орудия. Если выйдут осложнения, будет очень нехорошо. Я должен донести о препятствиях в Смольный.

Меня стали уверять, что у преображенцев и в мыслях нет мешать нам, а тем более помогать Временному правительству. Это просто недосмотр дежурного по полку. Был вызван дежурный по полку офицер, ему было сказано убрать всех с улицы и закрыть ворота. На дворе будет дежурный взвод: без этого они не могут ввиду

событий. Парадную дверь офицер просил не закрывать, потому что из города приходит много солдат и офицеров, затруднительно поминутно отмыкать и замыкать. Я согласился. Когда я вышел, офицер загнал солдат во двор и приказал замкнуть ворота. В дальнейшем, действительно, преображенцы с винтовками не высаживались больше.¹

¹ Тов Еремеев предполагал продолжить свое воспоминание, но по не установленным нами причинам этого не сделал. (Прим. ред.)

